

Судьбы кораблей сходны с людскими. Мало кому выпадает в песне прозвенеть. Один из таких счастливицков – пароход торгово-пассажирский, что великая редкость. Долгая память чаще достаётся на море судам военным, путешественникам-первопроходцам. Наш «купец» плавал под двумя именами. До октября семнадцатого звался «Анадырь», а под советским флагом был «Декабрист». И вот ему поставлен самый северный, наверное, на земле памятник – обелиск славы всё же боевой.

Посреди Баренцева моря есть остров Надежды. Нежилой, необитаемый. Тут на семи студёных ветрах несёт несменяемую вахту камень-монолит, прикованный к корабельному якорю. Север дальний, дальше некуда, дальше сплошь лёд.

Возвращался из кино, шли вместе со знакомыми, вслух перебирали запомнившиеся кусочки только что увиденного фильма по любимой в детстве книге о жизни и удивительных приключениях морехода Робинзона Крузо. Вдруг услышал:

– В жизни ещё не то бывает. Знаю женщину, ей такое пришлось пережить, куда там Робинзону. На необитаемом острове – не в тепле, где попугаи, среди белых медведей, – собеседник рассказывал невероятное.

– Где же она сейчас?

– У нас, в Россоши...

Отчего-то долго откладывал ту, теперь уж давнюю, встречу. Разыскал документальные подтверждения услышанному, а не верилось.

За церковной колоколенкой в одноэтажной старой части городка разыскал нужный мне переулочек – песчаный, оттого и чистый в слякотную пору. Вытянутой коробочкой светленький дом на несколько хозяев, крылечки с трёх сторон. Крайнее – пустынно, на среднем дощатые ступени мыла худенькая женщина. На голос сразу отозвалась, повернула морщинистое лицо. Выжала тряпку, распрямила спину и выслушала непрошеного гостя.

– Я и есть Надежда Матвеевна Наталич.

Как газетчику мне везло. Оказалась она человеком разговорчивым. Нисколько не стеснялась моего блокнота. Подливала чай в мою чашку и говорила. Только успевай записывать.

«Родом сама я россошанская. Семья большая, жили небогато. Но отец не жалел и последней копейки, чтобы выучить нас. Окончила медицинское училище. Даже поработала фельдшерницей в селе Кривоносово. В тридцать пятом году попала на Дальний Восток к родичам. Там придумалось завербоваться в море. Решилась с ходу. Остановила

Петр ЧАЛЫЙ

г. Россошь
Воронежской области

ПОСРЕДИ СТУДЕННЫХ ВОЯН

на улице встречного офицера-морьяка, а может, он меня остановил. Надо же – сам принимал на работу медиков в пароходстве. Пошла я оформляться.

– Укачивает тебя? – спросили. Пожала плечами. В первый раз море здесь, во Владивостоке, увидела. Посадили меня на катер, дали круг по бухте. Волна показалась девятым валом.

– И что же?

– Жива осталась. Уцепилась за поручни, от страха смех разбирает. Ещё круг накинули. Тем и кончилась проверка. Пошла я в море. А дома, в Россоши, догадались обо всём, когда денежный перевод получили, подъёмные отправила. По тому времени деньги немалые...»

На белой скатёрке в оправе стоял небольшой портретик, переснятый с довоенной фотокарточки. Густые тёмные волосы волной, глаза с прищуром и беззаботная улыбка. Блузка, конечно, с воротничком под тельняшку. Не ей ли парни распевали с палубы: «Девочка Надя, чего тебе надо? Ничего не надо, кроме шоколада...» Тихий океан и Филиппинские острова, Сан-Франциско и бухта Провидения – в каком сне это могло привидеться сельской фельдшернице? В корабельном лазарете служба необременительна, морьяки на здоровье не жалуются. Всё складывалось как нельзя лучше. Стихи будто про себя читай – «Я земной шар чуть не весь обошел. И жизнь хороша, и жить хорошо»...

«Война застала нас в рейсе. На большом океанском пароходе «Декабрист» глыбли домой из Северной Америки. Разгрузались-загружались во Владивостоке, Магадане. Плыли морями-океанами. Затем пару месяцев стояли в Англии. На корабле поставили зенитки, пулемёты. Учили моряков военному делу. В декабре сорок первого вышли в Мурманск. На палубе и в трюмах под завязку оружие, боеприпасы, продукты – всё, что нужно фронту и тылу».

Из дневника воспоминаний капитана «Декабриста» Степана Поликарповича Беляева:

«С английского крейсера сигналят: «Передаю вас под охрану миноносца». Прошли несколько миль. «Марлей» – далеко впереди, а мы отстаём, остаёмся одни.

В полдень пекарь Новиков, наблюдатель на правом крыле, закричал: «Виджу самолёт!» Сыграли боевую тревогу. Конвой развернулся к нам на помощь. Наводчик Романенко выстрелом из кормового орудия сбивает самолёт с курса. Фашист рванул вправо и сбросил бомбу. Мимо! Приближается второй самолёт. Резко поворачиваемся влево. Враг бросает сразу четыре бомбы...

Когда атака захлебнулась, осматриваем судно. Угол спардека срезан, пробоина в правом борту

пятого трюма. А ещё лежит неразорвавшаяся бомба. Боцман Петров-Старикович с моряками осторожно перекадывают её на матрац, поднимают на палубу и выбрасывают за борт».

Израненный «Декабрист» с панцирем льда на палубе пришёл в Мурманск. Он первым доставил военные грузы союзников.

В схожем рейсе 4 ноября 1942 года радист Щербаков отбил в эфир:

«Торпедированы. Судно имеет большие пробоины. Крен увеличивается. В машине вода. Медленно погружаемся. Команда садится в шлюпки. Работаю последний раз».

Даже спустя многие годы вспоминала те чёрные дни Надежда Матвеевна со слезами. Говорила-говорила спокойно, а тут – расплакалась.

– В последний рейс шли мы без сопровождающих. Понимали, что идём на верную гибель. Знали ведь трагедию семнадцатого каравана. Английский конвой бросил корабли на полпути, не передал нашей охране. Своих оставили, там же плыли американцы, англичане, не только наши суда. Немцы потопили почти всех, как котят.

– Страшно было выходить в море?

– А то нет. Что там пушечка на корме против орудий военного корабля? А для стрельбы по самолётам она тоже мало годилась. Для подводных лодок мы как мишень – подплывай и в упор расстреливай.

– Без оружия шли в атаку?

– Не просто без оружия. Трюмы набиты взрывчаткой. Один удачный выстрел – взлетим на воздух. Ни щепочки, ни живой души, лишь мазут растекается по открытой воде. Если корабль медленно тонул, то тоже мало кто спасался – вода ледяная. На иностранных судах большинство моряков не снимало с себя спасательных костюмов. Хотя каждый понимал, что смерти не минуешь. Старались о ней меньше думать. Плавание – это работа, каждый занимался своим делом. Приказ капитана не обсуждали. Война, на фронте солдату было не легче.

– Но всё же надеялись, вдруг да обойдется...

– Как без надежды. Полярная ночь наступала, самолёты реже летают. Осенняя непогода, шторм нам был бы на руку. Большую часть пути ведь проплыли без боевой тревоги. Даже праздничным обедом именины парохода отметили.

...Надежда Матвеевна не говорила об этом, но нетрудно представить то застолье. Собралась вся команда, все те из восьмидесяти человек, кто не занят на вахте. Скорее всего, со вниманием морьяки слушали своего капитана. Нашел Степан Поликарпович Беляев добрые слова о «Декабристе». Ещё в начале века под именем «Анадырь» участво-

вал он в походе русской эскадры с Балтики на Дальний Восток, помнил Цусиму. А ещё немало потрудился, перевозил грузы для нужд Советской республики. Да и теперь, в тяжёлую для Родины годину, команда, корабль тоже держали фронт. На берегах Волги, Сталинграду не лишней оказалась бы импортная взрывчатка.

Наверное, шутили, пели-веселились моряки. Выпал праздничный час. Не скоро он придет к ним ещё, а может, и вовсе не придёт – знали они и об этом.

Из дневника воспоминаний капитана «Декабриста» Степана Поликарповича Беляева:

«31 октября 1942 года. 12 часов пополудни.

Покинули Исландию, порт Рейкьявик. Плавание одиночное, без конвоя.

3 ноября.

Миновали мыс острова Шпицберген и пересекли меридиан острова Медвежий.

4 ноября.

Приближаемся к меридиану острова Надежды. Радист Щербаков принял радиограмму: впереди нас по курсу английский пароход атакован фашистскими самолетами. Повернули на 80 градусов, увеличили ход до предела. Пошли на север с расчетом укрыться во мраке полярной ночи. На горизонте с правого борта показалось три самолёта, летят низко над водой, торпедоносцы...

5 ноября. Борт шлюпки.

Пытаюсь по памяти восстановить трагические события вчерашнего дня.

Меняем курс, уклоняемся, бьём из всех огневых средств. Атака следует за атакой. Безрезультатно сбросив торпеды, самолёты улетают в сторону Норвегии. Под облаками видим новые – бомбардировщики, ещё торпедоносцы. Выпустили удачно над палубой ракету с парашютом на тонкой проволоке, помешали фашисту точно спикировать. Водяные столбы поднялись за кормой. Но и у нас носовое орудие потеряло вращение. Заклинило скорострельные пушки на спардеке. Израсходованы ленты и диски для пулемётов и зенитных пушек. К зарядчикам приставили ещё несколько человек. Никто не трусит, не обращает внимания на грохот, взрывы, вой осколков.

Мы отразили девять атак торпедоносцев и две – бомбардировщиков. Ещё одна стала роковой. Фашисты осмелели, заметили меньшую силу нашего огня и с близкого расстояния ударили без промаха.

Словно на подводную скалу наскочил «Декабрист», задрожал, затрясся. В воздух полетели лучины. Торпеда попала в форпик у самого форштевня. Произошло это в 12 часов 10 минут...»

Случилась беда всего в ходовых сутках от Мурманска. Вроде – рукой подать до родных берегов...

Команда долго боролась за живучесть корабля. Боцман Петров-Старикович и матрос Фомин, стоя по шею в холодной воде, закрыли пластырем пробочину. А вода заливала котлы. Пришлось остановить машину. Пароход накренило, вот-вот мог перевернуться. Капитан отдал команду: спустить шлюпки.

Беляев заявил: «Остаюсь на судне, всем покинуть корабль». Матросы воспротивились.

– Заскочила в свою каюту, – вспоминала Надежда Матвеевна, – там уже воды по колено. Сунула под меховую куртку прорезиненный пакет с бинтами, медикаментами. Взяла с собой кота Мишку. Жаль бросать живое. Как знала, что он ещё спасет меня от гибели.

Наталич, единственная женщина в команде, попала в капитанскую шлюпку. Всего же шлюпок было четыре. Кружили пока вблизи корабля. С рассветом направились к «Декабристу», но беззащитный корабль вновь атаковали вражеские самолёты, добились его на глазах.

– Когда сбросили бомбы, мне показалось, пароход вроде во весь рост приподнялся на волнах, выплыл и – разом отмучился. Раскололся на части, пропал с водяным столбом, как его и не было. Как растаял...

Разыгравшийся шторм помешал врагу с воздуха расстрелять шлюпки. Но стихия разъединила людей.

– Потеряли ребят из виду, оказалось, навсегда. Сами сбились со счёта, которые сутки ураган кидал по волнам.

Размокла карта, сломался компас. А шлюпка в пробоинах, протекала. По очереди вычерпывали воду. Правда, занятие отвлекало от нехороших мыслей.

Еды хватало. С корабля взяли хороший запас галет, сухарей, мясных консервов. А вот питьевая вода убывала. Берегли, по сто граммов выпивали, затем вполовину уменьшили суточную норму. Когда досуха вычерпали бачок, начались мучения.

Губы лопались, язык не ворочался, говорить стало очень трудно. Ничем себя не отвлечёшь, одно застряло в голове: пить, страшно хочется пить...

С каким-то недоверием слушал Надежду Матвеевну. Не связанному с морем человеку трудно понять, что такое возможно – в воде помирать без воды. Моряку же известно: терпи, пьёшь морскую воду – быстро умрёшь или сойдёшь с ума.

– Господи, как радовались, когда небо побелело, посыпался хлопьями снег. Натянули-подставили парус, с ладони слизывали каждую снежинку.

После подсчитали: где-то на десятки сутки волны вынесли шлюпку к заснеженному острову. Хотелось быстрее добраться к белому берегу. Не о спасении думали. Нестерпимую жажду страшно желалось утолить.

– Переваливаемся через борт, пошатываясь, бредем к берегу, горстями хватаем снег.

Уже дома полистал географический атлас. Разыскал в Баренцевом море крупинку с просяное зернышко – тот самый остров Надежды, приютивший морячку Надежду и её товарищей. В книгах вычитал, что русские мореходы-поморы в старину называли остров Пятигор. Лощинами разделена длинная и узкая гряда на пять холмов. Берега круты и обрывисты, большую часть года во льдах.

«Камни, одни камни, а земли-то как таковой нет, – сказала Надежда Матвеевна.

Девятнадцать моряков высадились на этот холодный камень. Не ведали, что здесь им придется жить больше года. Не знали, что многим из них остров станет последней пристанью. Вечной пристанью.

Вот ещё выбранные места из услышанного от Наталич.

Выбрались на берег измученные, обмороженные. Некоторые уже теряли сознание. Кто покрепче держался на ногах, собирал плавник. У меня в куртке сохранились спички. Разожгли костёр и в котле топили снег. До упаду пили воду. Если б не видела, не поверила, что человек, не отрывая губ, выпивает ведро.

Шлюпку било в борт волной. Подальше от прибоа унесли провизию. Из мачты и вёсел смастерили каркас, обтянули его парусиной – получился шалаш, хоть какое-то укрытие от ветра.

Чуть отлежались, замёрзнем. Место для зимовки неважное, замёрзнем. Нас, кто послабее, оставили на берегу. А остальные ушли двумя группами на разведку: часть – в северную сторону, другая – в южную.

Погода на севере меняется быстро. Тихо, подул ветер, в минуты оказываешься в сплошной снежной пыли. Вот-вот, точно сказано: не видно ни зги. Спасались в палатке. Лежали кучей. Шалаш развалило. Когда приподнялась, ветром кинуло в сторону. Подползти к ребятам не было мочи. С головы платок сорвало. Хорошо, волосы длинные, ими укуталась. Дальше как сознание потеряла. Как отшибло память.

Рулевой Вася Бородин рассказал: утихла пурга, вернулся он к шлюпке. Видит сугроб вместо палатки. На его голос отозвался кот. Разрыл снег и – нашёл меня в снежной могиле. Шея расцарапана. Кот Мишка не давал замерзнуть заживо. Он сидел у ме-

ня на груди под воротом куртки. Когда я долго не шевелилась, застывала, кот не давал забыть. Царапнёт лапой, заставит чуть-чуть двигаться.

Васе указываю – рядом должны быть ребята. Раскопал ледяной холм, все мертвы.

Ходить не могла. Ступни ног примёрзли к подошвам сапог. Посейчас страдаю, маюсь от обморожения. Бородин объяснил, что нашли хибарку в северной части острова. Взял меня на спину и понёс. Сугробы в пояс. Из сил выбивается.

– Кинь ты меня! – кричу. Кричу и плачу.

Упадём, Вася горстями глотает снег. Опять тащит. Ровно три месяца после не становилась на ноги. Огнём пекло.

В живых нас осталось семеро. Капитан Беляев, матросы Бородин, Двуреченский, Лобанов, Новиков, Фёдоров и я.

Нашли домик не домик – дощатый сарайчик с прогнившими стенами. Зато сохранились в нем печка норвежская и нары. На наше счастье, у хатки лежала бочка с горючим, оно и спасало первое время. Оставили жилище, скорее всего, норвежцы. Фотокарточки бородатых мужчин сохранились на стенке.

Жили так. В хорошую погоду, кто поздоровее, уходили к шлюпке, добывали продукты. Я из муки варила баланду».

Из дневника воспоминаний капитана Степана Поликарповича Беляева:

«Разыскали под снегом винтовки, патроны. Шлюпка никуда не годна, разбита штормами. Стараемся побольше находиться в движении, работаем, подтаскиваем к избушке брёвна, рубим их.

Излазили берег в поисках пищи. Копаемся в глубоком снегу, проверяем каждый бугорок. Нам повезло. Нашли шесть мешков муки и несколько бочонков со сливочным маслом. Радости не было предела. Соорудили санки и перевезли провизию домой.

Соль не употребляли с тех пор, как покинули пароход.

Всё чаще стали навдываться к нам медведи. Избушку совсем занесло, наружу выбираемся через нору.

Обнаружили деревянный дом, а рядом – плоскодонную лодку и маленькую шлюпку.

Когда растаял снег, увидели несколько бочек. Открыли их. Соль! Соль была рядом, а мы почти восемь месяцев жили без неё.

Ремонт лодки приближается к концу, а маленькая шлюпка уже готова, можно спускать на воду. Остров ещё окружен полями льда, но лёд быстро разрушается. Видна чистая вода. Скоро можно будет выходить в море.

Бородин совсем плох, не может ходить. Цинга не миновала и меня, зубы шатаются, кровоточат десны. Лобанов жалуется на больные ноги. Наталич сутками ухаживает за ними.

Всё готово к отъезду. Работаю у южного домика. Проверяю лодку, собираю запасы продовольствия...»

А так запомнилось «зимнее сидение» на неприятном острове Надежде Матвеевне.

«Уйдут ребята, я одна. Темно, полярная ночь. Лёд давит на остров. Гул стоит, треск. Мне чудится то детский плач, то будто мама меня зовёт. Небо как запыляется цветным сиянием. С корабля оно казалось диковинкой, не могла налюбоваться сверкающей короной. А тут эта краса на душу ужас наводит.

Белые медведи бродят неподалеку, ревут. Вот-вот, совсем рядом принимаются, когтями скребут. А я одна. Жду и боюсь – вдруг моих-то уже в живых нет. Новиков умер от двустороннего воспаления лёгких. Двое погибли по своей неосмотрительности.

Облегчённо вздохну – хрустнул снег. Идут! Нет, показалось, почудились шаги.

А пурга мне как в подарок. У ребят вынужденный выходной. Степан Поликарпович поддерживал нам настроение своими рассказами. Вспоминал про то, как ещё в царское время юнгой на паруснике плавал. Рос в бедной семье. Отец плотничал и сына научил держать топор. Капитан был самым мастеровитым среди нас. В мореходную школу пробился, но штурманом ему до революции не довелось ходить. Учёный, с дипломом плавал простым матросом.

Мой спаситель Вася Бородин – сельский, как и я. Когда на корабле объявляли воздушную тревогу, его обязательно капитан вызывал к штурвалу. Никто другой не мог лучше вести судно, быстро менять курс.

Вася станет моим мужем. Только жизнь у нас не сложится. Но это будет уже после войны.

А тогда, в долгую бурю, повадился топтаться у двери белый медведь. Хотели отогнать его, не пугается. Винтовка была, но стрелять не решались.

Патронов маловато. Вдруг лишь раним и обозлим зверя. Кулаками с ним не справиться. Капитан отчаялся, расколупал щель в досках. Примеривался, сторожил. Не промахнулся. Одним выстрелом убил медведя наповал. Как радовались. От неприятного гостя избавились. А главное – на еду было теперь мясо. Много мяса. Жир натопили, есть чем лечиться. Огонёк можно поддерживать. Шкурой завесили стену. Господи! Сразу потеплело в нашей хатке.

Когда кончилась полярная ночь, тоже – радость. Перезимовали. Раз даже надолго выгляну-

ло солнце, сразу нам обшелушило кожу. Туманы, облака скрывали небо, но дневного света хватало, чтобы осмотреться, где мы обитаем. То вокруг после пурги белоснежная равнина. То растает – и среди старого желтого льда появляются черные разводья открытой воды.

Птицы прилетают, весело щебечут. Всему живому весна поднимает настроение. Одна беда – мои хлопцы совсем слегли. Если б не капитан, легла бы рядом с больными помирать. Степан Поликарпович обнадёживает: как льды сойдут, поплывём на большую землю.

– Кто грести станет?

– Парус поставим.

В светлую пору стали пролетать над островом самолеты. Прятались от них, вдруг немецкие. Хотя – что там? Продолжается или кончилась война? Но нас заметили. Вымпел с продуктами кинули. Капитан считал, что это норвежцы на Шпицберген летают».

Из дневника-воспоминаний капитана Степана Поликарповича Беляева:

«Кажется, 25 марта 1943 года. Сегодня произошло тревожное событие. Я и Бородин приво-дили в порядок плоскодонку, а Лобанов ушел на поиски продуктов. Смотрим, на горизонте показался самолёт. Побежали, спрятались под скалой. Самолёт промчался низко над островом, нас не заметил. Вернулись домой.

Лобанов говорит, что увидел на крыле норвежский опознавательный знак. Помахал он летчику лопатой, а тот в ответ покачал крыльями. Лобанов утверждает, что самолёт шёл с пассажирами на Шпицберген. Мы же с Бородиным думаем, что Лобанов обознался. Дорого может обойтись его ошибка. Пока, конечно, никакой опасности нет. Подходы к острову закрыты льдами. Ни одно судно не проберётся. Самолёту же сесть негде.

...Не могу высчитать, какое сегодня число. Всё свободное время уделяю плоскодонке. Перевёз со старой шлюпки вёсла, руль, уключины. Сделал парус, обшил бак и корму досками. Приходит помогать мне Лобанов. Бородин заболел цингой, очень ослаб. Самолёт уже несколько раз пролетал над островом. Летчик, конечно, засёк домики, видел нас.

С провизией становится совсем плохо. Доканчиваем последний мешок муки. Медведи появляются редко. Заметно потеплело. Снег быстро тает. Ходим вдоль берега, выискиваем что-нибудь съестное. Берег усыпан досками от шлюпок, разбитыми плотами, бочками с бензином, спасательными поясами.

...Уже лето. Ремонт лодки приближается к концу, а маленькая шлюпка уже готова, можно спускать на

воду. Остров ещё окружен полями льда, но лёд быстро разрушается. Видна чистая вода. Скоро можно будет выходить в море.

...Конец июля. Все готово к отъезду. Проверяю ещё и ещё лодку, скудные запасы продовольствия.

...Утро. Не знаю, какое число. Проснулся от сильного грохота. Обвал в горах? Спустя несколько минут оглушительный звук повторился. Орудийный выстрел! С трудом поднялся. У самого берега покачивается на зыби подводная лодка, ясно виден фашистский флаг. Раздался третий выстрел. А при мне находятся судовые документы. Быстро сжигаю их.

От борта подводной лодки отошла шлюпка. Офицер и группа автоматчиков высадились на берег, побежали к домику, выбили двери. Вошли, долго смотрели на меня и что-то говорили друг другу. Перед ними стоял истощённый человек с густой седой бородой. Обыскали все уголки, приказали идти к морю. Посадили на шлюпку и перевезли меня на подводную лодку».

– А моим больным совсем плохо, – вспоминала Наталич. – Бородин уже не мог говорить, показывает мне знаками: рой, мол, мне могилу, пока есть силы. Боялся остаться непогребённым. Пришлось послушаться. Разгребаю камни, а сама плачу в голос. Вася кулак показывает – не тужи! береги силы! А я не могу на него без слез глядеть.

Вдруг стреляют со стороны моря. Упала и лежу. Подошли люди, говорят по-немецки. Я даже успокоилась. Пристрелили бы быстрее, чтобы кончились наши мучения.

Оказалось, к острову подплыла подводная лодка. На берегу у шлюпки забрали капитана. Мы же идти не могли. Заставили перекатываться по камням. Допрашивали. Затем переводчик, с виду похожий на норвежца, сказал: катитесь, мол, вы назад, после вас заберем. Осталась благодарна ему, незаметно сунул мне пакет с лекарствами.

Степана Поликарповича забрали в плен, а за нами обещали скоро приплыть. Но появились только месяца через три. Шел октябрь сорок третьего, без малого год прожили на камнях.

Надежда Матвеевна, конечно, не могла знать, зачем вдруг немецкая подводная лодка дважды навестила пустынный остров. Объяснил это впоследствии фашистский адмирал Фридрих Руге в своей книге «Война на море. 1939 – 1945». Морские и воздушные операции в Северной Атлантике и в полярных морях, пишет он, во многом зависели от заслуживающих доверие прогнозов погоды. Прогнозы приобрели ценность особого вида оружия. Поэтому синоптику Кнеспелю пришла мысль высаживать осенью на зимовку в отдалённых пунктах

Арктики метеорологические отряды с аппаратурой. Полярная зима практически лишала русских и их союзников возможности захвата таких станций, даже если их удавалось запеленговать.

Начиная с 1942 года фашисты постоянно летом и осенью подыскивали удобные места для метеорологов. В зиму они отправляли экспедиции на Шпицберген, в Восточную Гренландию, на Землю Франца-Иосифа. Отметили как подходящий остров Хопен, так по-норвежски назывался остров Надежды. Отметили, видимо, как раз в 1943 году. Отряд синоптиков «Арктический волк» туда доставили подводной лодкой в октябре 1944 года.

Вот эти-то разведчики-подводники взяли в плен наших моряков.

– На обратном пути скончался Лобанов. Матросы зашили тело в брезент и выбросили в море, – рассказывала Наталич. – А меня с Васей повели за колючую проволоку. В концлагере в Норвегии узнала, что стоит Москва, что русские бьют немцев. «Гитлер капут!» – услышала от норвежцев. Удалось свидеться с капитаном, но затем меня отделили в женский лагерь...

Из дневника воспоминаний капитана Степана Поликарповича Беляева:

«Едва наступает рассвет, и лагерь приходит в движение. Как собаки лают охранники и полицаи. Выстраивают нас, пересчитывают и гонят на работу. На старом кладбище строим бараки. Разрываем могилы, выбрасываем наверх гробы. Я едва передвигаюсь. До слез трогает забота товарищей. Они запрячут куда-нибудь в яму, а во время проверки вытаскивают наружу. Когда тащимся в лагерь, вдоль дороги обязательно стоят норвежцы. Они незаметно передают нам пищу.

Злобствуют охранники. С восточного фронта приходят для нас вести радостные, для них – страшные. В Тромсе минируют порт. В гавани воздушным налетом разбит линкор «Тирпиц». Он лежит на боку. Фашисты прорезали в борту дыры, вытаскивают трупы. Всех, кто умеет держать в руках топор, определили в команду плотников. Работа спорится, гробы получают быстро.

В лагере Лелегамер на всю жизнь запомнится однорукий мерзавец Морозов в чине поручика какой-то «воинской части». Он придумывает изощрённые издевательства, то посулами, то палкой вербует «соратников» и беснуется от бесполезных стараний.

Пленные умирают каждый день десятками.

Гоняют в лес рубить дрова. Кормят картофельными очистками. По пути в лагерь норвежцы без боязни кричат по-русски «Скоро конец войне!»

Надежду Матвеевну Победа застала в городе Бодо. Убирали пароход, на палубе возле бочек с горячим кто-то зажёл паклю. Всех женщин отконвоировали в очередь к крематорию. Но тут – конец войне. Германия капитулировала...

– После войны, – сказала Надежда Матвеевна, – приехала я в Россошь, домой. Встречает мама. Смотрит на меня как на чужую, спрашивает: «Кого надо?»

Я сама себя в зеркале долго не узнавала.

С «Декабриста» в живых нас осталось трое. Вернулись все в Дальневосточное пароходство. По-прежнему капитаном плавал Беляев. Степан Поликарпович умер в пятьдесят шестом. Упал на улице, сердце не выдержало. Не получилась у нас с Васей супружеская жизнь. Бородин уехал на родину в своё орловское село, плотничал. А меня в воронежские края позвала сестра. До пенсии доработывала на суше...

Надежда Матвеевна не скрывала, что ворошить ей пережитое очень тяжело. Выставить жизнь на показ в газете она решила не славы ради. Страшило то, что старость застала в маленькой комнатёнке, где еле вмещались кровать и стол, а зимой нужно топить печку.

– Просить не могу. Вдруг да начальство само расщедрится. Неужели я не заработала квартиру с удобствами.

Надежда Матвеевна не ошиблась. Газетный очерк уже помимо моей воли озвучивали на радио. А вскоре Наталич с Дальнего Востока получила письмо-приглашение: «вести воспитатель-

ную работу с молодежью в экипажах». Сразу обещали выделить подходящее жильё. В Россошь присылала письма: всё хорошо.

Ещё спустя годы узнал, что в середине восьмидесятых моя землячка-морячка перебралась жить на Кавказ, поселилась в Грозном. Как там всё у неё сложилось – неведомо. Не выпало ли ей вновь пластаться, припадать к земле в грохоте разрывов? Неужели судьба так безжалостно немилостива и к сполна хлебнувшим горя через край?..

*А на севере дальнем –
Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...*

Песня сложена будто в этих местах, где даже летом чаще серо море и небо. Здесь у морских богов вечные сумерки.

Вбиты в камень слова – «Морякам советского парохода «Декабрист», героически погибшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. 1942 год».

Стоит на якоре одиноко обелиск. Хранит он память о тех, кто перед уходом в неведомое вспыхнул на мгновение ярким солнечным светом и не померк бесследно в мрачной пучине. Душа ведь вознеслась чайкой в утешение моряку, который вслед, рискуя собой, снова и снова покоряет этот уже опалённый не однажды ледяной мир.

□

Петр Дмитриевич ЧАЛЫЙ

родился в 1946 году в селе Первомайск Воронежской области.

Член Союза писателей России,

Союза журналистов России.

Работал журналистом.

Публиковался в «Литературной газете», «Литературной России»,

в журналах «Наш современник», «Сельская новь», «Подъём»,

«Дон», «Волга», в интернет-изданиях,

«Российский писатель», «МолОко» и других.

Автор девяти книг прозы.

Лауреат ряда литературных премий и конкурсов.

Награждён орденом «Знак Почёта».

В журнале «Север» публикуется впервые.

